

Швейцарская компания готовит план реструктуризации «Мечела»

Бизнесмены такого масштаба, как Вилли Штротхотте, посещают область не часто. Транснациональная компания «Гленкор» имеет оборот 30-35 миллиардов долларов и представительства в 52 странах мира.

Руководство «Мечела», которое видит в «Гленкоре» своего стратегического партнера, ознакомило швейцарского гостя с программой технического перевооружения предприятия, которая стоит 450 миллионов долларов и рассчитана до 2005 года. Одно из ключевых мест в ней отводится ЭСПЦ-6, выпускающему нержавеющей сталь. В Штротхотте осмотрел этот цех, после чего поехал на встречу с губернатором П. Суминым.

Е. КИТАЕВ.

***

Губернатор области Петр Сумин встретился с президентом компании «Гленкор Интернэшнл АГ» (Швейцария) Вилли Штротхотте. Губернатор выразил обеспокоенность положением дел на ведущем предприятии Челябинска — «Мечеле». Речь шла о долгах Пенсионному фонду, «Челябэнерг», по заработной плате.

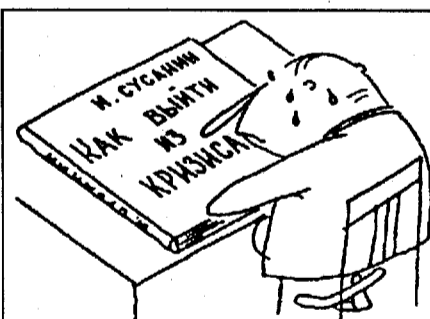
Вилли Штротхотте признал ошибку компании «Гленкор», состоящую в том, что она три года не посвящала власти региона в свои планы. Через пять недель компания готова представить губернатору план реструктуризации «Мечела» на семь ближайших лет. Планы сводятся к тому, чтобы «Мечел» выплачивал только электростать.

Вилли Штротхотте заявил, что намерен выплачивать стали меньше, но высокого качества. По словам президента компании «Гленкор», сегодняшняя структура «Мечела» недееспособна и убыточна.

Все участники встречи пришли к выводу о необходимости согласовывать свои планы и налаживать конструктивный диалог.

Во встрече принимали участие первый заместитель губернатора Владимир Уткин, президент Уральской ассоциации промышленных предприятий и банков Виктор Шеррибле, мэр Челябинска Вячеслав Тарасов, руководство акционерного общества «Мечел» и другие официальные лица.

П. БОЛЬШАКОВ,
пресс-секретарь
губернатора области.
«Челябинский рабочий».

За период с 29 сентября по 5 октября индекс потребительских цен по данным Госкомстата РФ составил 100,6%. Средний суточный прирост цен за сентябрь — 1,090%, за октябрь — 0,086%, сообщает «Российская газета».

Не больше 19 рублей за \$

Минфин полагает, что курс доллара в будущем году не превысит 19 рублей, сообщают «Известия».

При расчете бюджета 1999 года Министерство финансов России будет исходить из соотношения 17-19 рублей за доллар, а не 20-23, как предполагалось ранее. Как сообщил 14 октября министр финансов Михаил Задорнов, курс 20-23 рубля за доллар, который закладывался изначально и о котором он докладывал на ежегодном собрании МВФ и Всемирного банка, — «это самый пессимистичный вариант».

Александр Андреевич ХАНДРУЕВ — доктор экономических наук, нынче проректор Академии народного хозяйства при правительстве РФ. Более десяти лет, с небольшими перерывами, проработал он в Госбанке СССР и Центральном банке России. Летом нынешнего года, еще до финансового обвала, член совета директоров ЦБ Александр Хандруев покинул свой пост. Он считал, что к нынешнему кризису привели как минимум три серьезные ошибки правительства и Центрального банка. Об этом и наш сегодняшний разговор.

ТРИ ОШИБКИ

— Александр Андреевич, что же все-таки произошло 17 августа? Вроде бы инфляция была незначительной, рубль стабильным — и в одночасье все рухнуло.

Ну, во-первых не в одночасье. К тому делу шло не один месяц. Наша денежно-кредитная политика пришла в противоречие с состоянием экономики и объективными экономическими процессами. Все усилия были сосредоточены на подавлении инфляции. И когда этого удалось добиться, низкую инфляцию посчитали состоявшейся макроэкономической стабилизацией, восприняли как реальный переход к рынку, начало подъема. Хотя рост валового внутреннего продукта не превышал 0,4 процента, а накопления в основной капитал по-прежнему уменьшались, в последние годы — на 6 процентов. Такая стабилизация, не подкрепленная ростом производства, дефицитный бюджет способствовали развитию спекулятивного посредничества, когда финансировать расходы можно было только за счет внутренних и внешних заимствований, для погашения которых требовались огромные суммы из бюджета.

— Но разве снижение инфляции — это плохо?

— Да нет, конечно, хорошо. Но все хорошо в меру. Посмотрите, как снижалась инфляция: в 1995 году — 130 процентов, в 1996 году — 22, в 1997 году — 8 и до 17 августа 1998 года — 6 процентов. Между прочим, другие посткоммунистические страны действовали осмотрительнее и инфляцию снижали медленнее. В Чехии и сейчас 8 процентов, в Польше — 14, в Венгрии тоже 14. А экономика там на подъеме. Мы же как с горы спускались, забывая нажать на тормоза. С инфляционной волны, напоминающей цунами, ввергли страну в дефляционный шок.

До двадцатипроцентной отметки надо сбивать инфляцию как можно быстрее, потому что при таком росте цен люди попросту не могут жить. Но потом следует двигаться медленно и осторожно, просчитывая малейшие детали, чтобы экономика успела приспособиться к снижающейся инфляции. Попробую это объяснить.

Вот, к примеру, вы формируете доходную часть бюджета из расчета 130-процентной инфляции. Деньги дешевле, инфляционные, но они идут в бюджет, и можно ими покрыть расходы. А теперь представьте: в бюджет уже записаны доходы и расходы, а инфляция резко снизилась. Деньги стали дороже, но покрыть доходные статьи уже не удается. Государство лишило себя инфляционного дохода, и чем резче это было сделано, тем больше дефицит бюджета.

Напомню, инфляция всегда выгодна должникам и не выгодна кредиторам. Государство же — главный должник, и от инфляции оно выигрывает, от дефляции проигрывает: дефицит бюджета растет, и это вынуждает прибегать к заимствованиям.

Снижение инфляции убавкивало. Для экономики это как кессонная болезнь для водолаза: погружаться можно быстро, а подниматься на поверхность надо медленно, иначе декомпенсация и — до трагедии недалеко. Короче говоря, первая ошибка была в том, что политика денежно-финансовой стабилизации стала самодовлеющей, оторвалась от реального базиса, реальной экономики, не сопровождалась реструктуризацией отраслей народного хозяйства, инвестициями в производство, ростом материального сектора.

— Так, дефляционный шок, слишком быстрое подавление инфляции. Но это же не единственная причина кризиса?

— Да, есть и другие. Вот вторая — пожалуй, еще более серьезная: неадекватная политика обменного курса рубля. Вспомним, что в октябре 1997 года произошел обвал на гонконгской бирже, крупные потрясения в Таиланде, Малайзии, Индонезии, на Филиппинах, в Южной Корее. Вроде бы рынки эти далеко от нас и прямого влияния на нашу экономику оказать не могли. Но сыграл свою роль кризис доверия ко всем странам с развивающимися экономиками, к которым относится Россия. Есть международные рейтинговые агентства, которые ведут постоянные наблюдения, так называемый мониторинг экономической ситуации. Как ни смори — наши показатели не радуют: хронический дефицит бюджета, экономического роста нет, налоги не собираются, золотовалютных резервов недостаточно. У нас в то время было 24 млрд долларов, а на Тайване, скажем, 70 млрд.

Вот взвесили все это агентства и резюмировали: в России капитал держать опасно.

А мы повели себя, мягко говоря, неадекватно. В октябре 1997 года гонконгский кризис, а 9 ноября выходит заявление правительства и Центробанка о введении фиксированного курса рубля — 6,2 за доллар. Считалось, валютный курс — это якорь инфляции, и если он стабилен, то инфляция не разгуляется. Доллар, как бычок на веревке, мог ходить туда-сюда по валютному коридору. А теперь привязали его стальным тросом. И сразу на три года — с 1997 по 2000-й. Говорили о рынке, а тут отказались от свободной игры на бирже, по существу навязали экономике искусственно завышенный курс рубля. Конечно, есть в мире и рыночные страны, где жестко фиксируют валютный курс. Но у нас-то экономика больна, роста нет. И как только установили жесткое сцепление, нарушилось хрупкое равновесие.

— При чем же здесь рекомендации рейтинговых агентств, что капитал опасно держать в России?

— Дело не только в них, а в том, что мы допустили третью ошибку. Было принято решение о либерализации допуска иностранных инвесторов, так называемых нерезидентов, на рынок Государственных казначейских облигаций (ГКО). Раньше им разрешалось покупать не более 10 процентов общего объема облигаций, а два года назад были сделаны шаги по пути практически полной либерализации ввоза и вывоза капиталов нерезидентов в Россию и из России. На этот счет мы взяли обязательство перед Международным валютным фондом.

Отмечу, что покупать ГКО нерезидентам было очень выгодно. При шестипроцентной инфляции в стране доход по ним на январь 1998-го доходил до 32 процентов. Учтите, доходность в реальном выражении — 26 процентов. Просто из воздуха: у себя, на Западе, им подобное и не снилось. Вот уж поистине в Россию пришел спекулятивный капитал. Реальный сектор жил своей еле теплой жизнью, а на спекулятивном делались состояния.

— А можно было не разрешить вывозить прибыль?

— Конечно. Многие страны именно так и поступают. Пожалуйста, приходи со своим капиталом, а прибыль вывозить раньше чем через три года нельзя. Пусть работает в стране, где она полезна.

— Не кажется ли вам, что сам институт ГКО был ошибкой?

— Нет. Такого рода системы заимствования существуют в большинстве стран. Толь-

ко их надо разумно обслуживать, следить за тем, чтобы долги не достигали критической отметки. Ошибка была, как я уже сказал, в том, что ГКО стали неограниченно продавать иностранцам и разрешили им свободный вывоз прибыли.

Ведь вот что получилось: нерезиденты вложили в ГКО 22 миллиарда долларов — цифра эта сопоставима с золотовалютными запасами страны, а уже в 97-м около 6 миллиардов ушли из России. Чтобы увести деньги, они продавали ГКО. Предложение увеличилось, цены падали, а значит, прибыль, которую давали эти облигации, росла. В мае-июне она достигла 60-80 процентов. На обслуживание долга уходило почти 30 процентов доходов бюджета. Дефицит его увеличивался. К тому же для поддержания фиксированного курса рубля Центробанк вынужден был продавать валюту — прибегать к долларовой интервенции на бирже. Банки покупали валюту и тоже переправляли за рубеж...

— И население поддалось панике, стало скупать доллары...

— Естественно. Мы это называем атакой на рубль. Доллар сильный, рубль слабый. Граждане, банки, инвесторы продавали рубль, скупали доллары. Это был кризис доверия рублю. Золотовалютные резервы сократились до 11 миллиардов долларов. Запросили помощь у международных финансовых организаций. И первый транш почти целиком ушел на валютные интервенции, по существу, за границу.

В январе 98-го еще был выход: отойти от фиксированного курса и вернуться к валютному коридору, к равновесному рыночному значению доллара. Есть расчеты, что если бы вовремя произвели корректировку, равновесный курс равнялся бы 7,5 рубля за доллар. Да, это ухудшило бы положение, товары подорожали, инфляция немного выросла. Но зато такого обвала, такого финансового кризиса, который разразился потом, не было бы.

— Почему же этого не сделали?

— Думается, по чисто политическим мотивам. Всех уверяли, что положение стабильно. Хотели сохранить видимость благополучия, а значит, и свой мундир. В правительстве и Центробанке не было критического анализа ситуации, господствовало убеждение, что рубль удержать удастся. Когда же выяснилось, что сделать это невозможно, что необходимых золотовалютных резервов нет, решения приняла поистине странная. Прекратили выплаты по ГКО. По сути дела, расписались перед иностранными инвесторами в своей некомпетентности. Теперь восстановить доверие к нам удастся уже не скоро. И коммерческие банки лишили денег, вкладчики выстроились в очередь, а платить им банки не могли.

Между тем именно частные вкладчики — наш стратегический инвестор. Надо понимать, что если население «уходит в доллар», не верит банкам и национальной валюте, мы лишаемся самого массового, надежного источника развития экономики.

К тому же банкам разрешили три месяца не платить по валютным контрактам. Почему? Некоторые могли бы расплатиться. А те, кто не смог, — обанкротились. Но тогда банкротом стал бы тот или иной банк, а не государство. При таких условиях доллар очень быстро пробил вновь обозначенный валютный коридор. Начались его непредсказуемые скачки, рост цен, двузначная инфляция. И теперь уже новому правительству и новому совету Центрального банка придется — дай Бог удачи — вытаскивать страну из кризиса.

Н. НАДЕЖДИНА.
Газета «Труд».